

Пролог

V век до н. э. Прибайкалье

По едва заметной тропе, сквозь таежные дебри, быстро и умело пробирался невысокий молодой воин, грациозностью движений напоминая дикую кошку. Одевание и вооружение выдавало в нем кочевника. Высокий войлочный колпак, шуба из снежного барса с подвязанными полами, небольшой круглый красный щит, бронзовый обоюдоострый короткий меч-акинак с рукоятью в виде двух грифонов, развернутых ликами в противоположные стороны, лук с загнутыми концами и стрелы к нему уютно расположились в горите, на запястье висела кожаная плеть.

Что же привело в лесной край воина степей, отказавшегося ради этого путешествия от верного спутника — коня? Его путь сюда исчислялся не расстоянием, а годами, множеством пережитых опасностей, закаливших дух и тело. В самых сложных ситуациях он поддерживал себя, многократно твердя, словно магическое заклятие: «Он смог, а ему было во много раз труднее. Смогу и я!» Чем ближе он подходил к цели своего путешествия, тем сильнее волновался в ожидании предстоящей встречи. Воображение рисовало ее светлой и радостной, отчего сладостно замирало сердце.

У юрты черного шамана Кайсыма, несмотря на ее удаленность от людских поселений, всегда толпился народ, терпеливо ожидая его появления, щедрыми подношениями стараясь добиться расположения колдуна и исполнения заветных

желаний. Ближе, чем на десяток шагов, к его жилищу никто не решался подойти, опасаясь навлечь на себя гнев шамана, что было равносильно смерти, ведь Кайсым умел лишь взглядом и словом поразить человека насмерть. При его появлении просители выстраивались в шеренгу, сложив принесенные дары у ног, склонив головы, боясь даже посмотреть ему в лицо. Он проходил мимо них, на расстоянии в несколько шагов, разглядывая просителей, выбирая лишь некоторых, и тогда его рука мгновенно вылетала, словно стрела из лука, в направлении счастливица: «Ты!» Избранник, на полусогнутых от страха ногах, шел за черным шаманом в юрту и излагал просьбу. Бывало, шаман, выслушав, неожиданно впадал в ярость, выгонял просителя, и тот бежал без оглядки, забыв о принесенных дарах, мечтая об одном: живым добраться до дома. Но в большинстве случаев шаман обещал помочь, а мог он ВСЕ! Сам Эрлик¹, бог подземного мира и смерти, оказывал ему особое покровительство, повелев подвластным ему духам повиноваться черному шаману. В том, что это так и есть, никто не сомневался.

Кайсым был далеко не старым человеком, а как для того почтения и страха, какие внушал людям, даже очень молодым. Было неизвестно, откуда он пришел восемь лет тому назад, весь изломанный, искалеченный. Он стал жить в простом шалаше неподалеку от поселения шаманов. «Газя гаргаха!»² — шептали люди и обходили стороной его прибежище. Никто не ожидал, что он переживет в этом ветхом жилище страшную таежную зиму, а он смог. Раны зажили, но он остался хром на правую ногу, часть пальцев рук после переломов застыли, одеревенели и не сгибались, левый глаз отсутствовал,

¹ В мифологии саяно-алтайских и монгольских народов: владыка царства мертвых, верховный судья в загробном мире, дьявол. (Здесь и далее примеч. авт.)

² Наказание ломанием руки и ноги и выкалыванием одного глаза за серьезные преступления (бурят.).

и на его месте была отвратительная багровая язва, но он не надевал повязку, как поступили бы многие на его месте. Вначале его никто всерьез не принимал, ведь неизвестно, какого он роду-племени, а шаманство передается из поколения в поколение, от отца к старшему сыну. Сила шаманского рода накапливалась не одно поколение, а свои умения шаманы хранили в тайне. Его с презрением называли «нэрьер утхатай¹», а он во всеуслышание заявил, что имеет Заха-Хартул — черное шаманское происхождение, но к нему никто не шел за помощью. Это продолжалось достаточно долго, пока Кайсыму не помог случай.

В поселение шаманов привезли умирающего от неизвестной хвори главу богатого и знатного рода-сеока Бадерхана, владеющего многими улусами². Ни одному из шаманов не удалось облегчить больному страдания, и тот медленно угасал. Вот тогда к нему в юрту допустили Кайсыма, ободранного и страшного из-за своих увечий, но в шаманской двурогой шапке-мякабше и с бубном-тюнгуром в руке. Кайсым несколько раз молча обошел ложе, каждый раз с силой ударяя коло-тушкой в бубен у изголовья и в ногах умирающего. При этом колокольчики-кюзюни на бубне по-особенному, жалобно звенели, и Бадерхан уже намеревался прогнать странного чужого шамана, когда тот заговорил:

— Эрлик очень голоден и ожидает твою душу у себя в под-земелье.

— Откуда тебе известно, что моя душа должна опуститься в темный мир Эрлика, а не подняться к небесным тэнгри?! — разгневался Бадерхан.

— Я знаю многое, и даже то, как ублажить Эрлика, чтобы ты мог остаться в этом мире. Или ты хочешь поскорее узнать, куда твоя душа попадет: на небо или в мир вечной тьмы?

---

¹ Шаман не по происхождению (*бурят.*).

² Здесь: деревнями.

— Верни мне здоровье, и я щедро тебя отблагодарю!

— Ты в самом деле этого желаешь? Но Эрлик не захочет остаться голодным, значит, умрет один из твоих домочадцев. Ты готов к этому?

— Что стоит жизнь любого из них по сравнению с моей, — Бадерхан скривился от приступа мучительной боли, — главы рода и их господина?

— Ты сделал свой выбор. Я совершу ритуал «доле», и болезнь тебя покинет.

Целую ночь провел в юрте Кайсым, совершая шаманские танцы и песнопения. Под утро, впервые за время болезни, Бадерхан уснул спокойно, а когда проснулся, то узнал, что во сне умер его младший брат. Через три дня Бадерхан был вполне здоров и перед тем, как отправиться в обратный путь, щедро наградил Кайсыма: подарил ему юрту, пушнину, рабов. Хотел дать еще наложниц, но тот воспротивился, сказал, что те ему ни к чему — он дал обет Эрлику, что не прикаснется ни к одной женщине. Бадерхан рассмеялся:

— Ты лишаешь себя самого большого удовольствия, того, какое может дать лишь женщина. Они различаются по красоте, страстности, уму, способности развлекать, а объединяет их лишь способность дарить наслаждение. Что может их заменить?

— Власть, власть и многожды — власть. Она дарит наслаждение, с которым ничто не сравнится. Ты пресыщен ею, поэтому ищешь иные удовольствия, а она этого не прощает.

Весть о чудесном выздоровлении Бадерхана мгновенно разлетелась во все стороны, но не целительством прославился Кайсым, а тем, что его имя было неразрывно связано со смертью. Каждый раз, когда он выполнял чью-то просьбу, совершались множественные человеческие жертвоприношения или умирал кто-то из близких просителя. Получив от Бадерхана в дар рабов, Кайсым всех их принес в жертву Эрлику. К нему решались обратиться лишь в крайнем случае,

в основном когда не могли разделить наследство и власть. Просители, не желая, чтобы стало известно о посещении черного шамана, тайком пробирались к нему.

Кайсым продолжал жить отшельником, за пределами поселения шаманов, в таежных дебрях. Правда, теперь его жилищем стала добротная юрта, а не убогий шалаш. Он резко отличался от других шаманов, обзаводившихся женами, детьми, живших в достатке, прибегавших к помощи добрых западных тэнгри — небожителей, тогда как он обращался к Эрлику и злым восточным тэнгри. Однажды на Кайсыма напали лихие люди из тайги и чуть было его не убили — он чудом спасся, со стрелой в правом предплечье, и снова выжил. С тех пор смерть стала частым гостем в поселении шаманов, и, хотя каждый раз она имела другое лицо, ее связали с Кайсымом. Видимо, решил он, лихие люди появились у его юрты-гэра не случайно, и связал это с происками завидующих его славе шаманов.

Но с некоторых пор Кайсым перестал принимать просителей: каждое утро, выходя из юрты, он обводил все увеличивающиеся их ряды пустым взором и снова скрывался в своем жилище. Поползли слухи, что он хочет покинуть эти места и уйти. Куда? Зачем? Никто этого не знал и не догадывался, что связано это с недавним посещением Кайсыма пастухом Сайратом. Тот принадлежал к богатому и знатному роду, но после смерти отца власть перешла к его старшему брату Байлагасу, который сделал Сайрата простым пастухом.

Они проговорили весь день, а ночью Кайсым стал камлать, принося щедрые жертвы Эрлику, чтобы тот позволил заглянуть в будущее Сайрата. Он увидел движущиеся неисчислимые орды воинов-кочевников, все сметающие на своем пути, покоряющие народы, племена. Они разоряли города и селения, принося тысячные кровавые жертвы Эрлику. Увидел рядом с ним себя, и его охватило сладостное ощущение —